

ПЕРВАЯ КНИГА ПО ИСТОРИИ НАУКИ И ТЕХНИКИ В РОССИИ

ЧЕРНЯК А. Я.

«Полидора Вергилия Урбинского восемь книг о изобретателях вещей переведены с латинского на славянорусский язык в Москве и напечатаны повелением великого государя царя и великого князя Петра всероссийского императора в лето господне 1720 мая в 5 день»,— такую надпись читаем мы на титульном листе книги большого формата, объемом в 400 с лишним страниц, с гравюрами на дереве.

Перевел книгу Феофилакт Лопатинский (ум. в 1741 г.)— профессор и ректор Московской духовной академии, затем епископ тверской, публицист, обладавший поэтическим и писательским дарованием, человек больших знаний и европейского образования. «Ученый круг,— писал современник-иностранец,— уважает Феофилакта Лопатинского, епископа тверского. Этот человек самого многостороннего образования, знаток греческой литературы, которой занимается очень прилежно и с большими успехами» [1, с. 303]. Выбор авторитетного переводчика свидетельствует о внимании Петра I к книге Полидора Вергилия. Вообще Петр I предъявлял к переводу и редактированию иностранных научных и технических книг весьма высокие требования: критическое отношение к оригиналу, сжатость изложения, доступность; требовал вычеркивать длинноты. «Понеже немцы,— писал он,— обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кроме самого дела и краткого перед всякою вещью разговора переводить не надлежит» [2, с. 148].

Феофилакт Лопатинский, видимо, считался одним из тех переводчиков, которые отвечали требованиям Петра I. Он входил в плеяду известных петровских переводчиков, представленную именами А. А. Виннуса, Б. И. Волкова, М. П. и П. П. Шафировых, И. Н. и К. Н. Зотовых, В. И. Суворова и др.

Книга Полидора Вергилия давно привлекала внимание Петра I. Он способствовал ее быстрейшему выходу в свет, выражал недовольство тем, что подготовка книги к печати идет очень медленно. Сохранился любопытный документ. 21 сентября 1718 г. И. А. Мусин-Пушкин, управляющий Монастырским приказом, в ведении которого находилась Московская типография, сообщил директору этой типографии о том, что во время свадьбы у Голицина Петр I сделал строгое внушение в связи с замедлением хода работы над книгой Полидора Вергилия: «Да для чего, спрашивал государь, по сию пору не переведена книга Вергилия Урбина о начале всяких изобретений, книга небольшая, а так мешкаете. Отпиши о том Лопатинскому» [1, с. 303]. Однако дело затягивалось, и появляется новое письмо И. А. Мусина-Пушкина к тому же адресату: «Писал я к тебе многожды о переводе книг, и чтоб говорил ты отцу Лопатинскому, дабы скорее перевел; а ныне Великий Государь приказал, ежели не переведут книг, лексикона и прочих, до того времени жалованья не выдавать, пока не переведут» [3, с. 111].

Чем же объяснить столь пристальное внимание Петра I к книге Полидора Вергилия? Некоторые историки объясняют это антикатолической направленностью книги [4, с. 134]. Думается, что Петр I проявлял заботу о переводе и издании книги Полидора Вергилия из-за ее уникальной познавательной ценности. Более 125 лет назад будущий известный поэт и революционер М. Л. Михайлов писал в широко распространенном

В июне 1981 г. автору статьи, д-ру филологических наук, видному историку техники и технической книги А. Я. Черняку исполнилось 60 лет. Редакция журнала поздравляет А. Я. Черняка с юбилейной датой и желает ему новых творческих успехов.

журнале: «Сочинение Полидора Вергилия переведено и издано по повелению Петра Великого; это ясно показывает, что он видел в нем пользу для русских читателей. И точно, книга Полидора была для своего времени книга полезная. Она имела большой успех за границей и составила славу своего автора» [5, с. 52—53]. Ту же мысль мы находим у современного исследователя: «Типичный плод книжной учености Ренессанса, книга эта... для широкого читателя содержала немало занимательных сведений, пробуждавших любознательность» [6, с. 50].

Здесь нам пора обратиться к всемирной славе книги Полидора Вергилия и к ее автору [7, с. 427—431]. Полидор Вергилий (1470—1555) родился в Италии, в Урбино, был секретарем урбинского герцога, а затем камерарием папской курии. В 1502 г. папа Александр VI послал Полидора Вергилия в Англию для сбора «дннаррия святого Петра». Английский король Генрих VII поручил Полидору Вергилию написать историю Английского королевства, и он остался в Англии, прожив там около полувека. В Италию он окончательно возвратился за четыре года до смерти. В историографию Полидор Вергилий вошел как автор первого научного труда по истории Англии («Английская история»), начиная с древнейших времен и кончая правлением Генриха VIII. Свою замечательную книгу «Об изобретателях вещей» («De inventoribus rerum») Полидор Вергилий написал в молодые годы — первое издание книги (первые три части) вышло в Венеции в 1499 г. Полное издание всех восьми книг впервые вышло в Базеле в 1521 г. [6, с. 50]. Количество изданий книги «Об изобретателях вещей» поражает воображение и представляет собой случай уникальнейший. Точное число изданий установить трудно; разные авторы приводят различные данные. В. П. Зубов считал, что в XVI в. вышло 38 изданий, в XVII в. — 13, т. е. всего за два века — 51 издание [6, с. 50]. Более высокую цифру называет О. Л. Вайнштейн — около 80 изданий: 20 — в XVI в., около 60 — в последующие столетия [7, с. 427]. Наконец, английский биограф Полидора Вергилия Урбинского Деннис Хэй насчитывает более 100 изданий, в том числе около 30 прижизненных изданий на латинском и многих европейских языках [8, с. 52].

Громадный успех книги еще при жизни автора сделал ее предметом гордости Полидора Вергилия. Он с большим чувством заявлял, что был «первым из римлян, который стал говорить о первых создателях вещей» [8, с. 52]. Как указывает Д. Хэй, предпринявший специальные исследования, он был прав: «бесполезно отыскивать предшественников в этой области» [8, с. 52]. Плиний Старший в свою «Естественную историю» включил главу, посвященную «началам вещей» (эта глава, кстати, часто перепечатывалась как часть работы Полидора Вергилия); но она «хотя и могла вдохновить Вергилия, была в сущности бесполезной для более честолюбивого составителя» [8, с. 52].

Другие писатели — от Исидора Севильского¹ до Варфоломея Англичанина² эпизодически имели дело с некоторыми сюжетами, которые интересовали Полидора Вергилия, но исследователи эти были несопоставимы с ним в целях и стиле изложения. Более серьезным его предшественником был писатель XIV в. итальянец Гуглиельмо Пастренго [8, с. IX] из Вероны, который известен своей дружбой с Петраркой. Пастренго написал работу «De Viris Illustribus», которую Вергилий мог знать лишь в рукописи. Она была напечатана в 1547 г. По словам Д. Хэя, многие материалы книги Полидора Вергилия были плодом вдумчивых наблюдений автора над жизнью и деятельностью народов Германии, Италии, Фландрии. Книга Полидора Вергилия Урбинского «Об изобретателях вещей» была первым печатным произведением мировой литературы в области истории науки и техники. «Велико ее значение в истории культуры, в популяризации историко-научных и историко-технических знаний. «De inventoribus rerum» — пишет Д. Хэй, — может быть справедливо объявлена как великая вежа в общекультурной эволюции Европы». Д. Хэй считает, что как популяризация книга Вергилия Урбинского не имеет конкурентов в XVI и начале XVII в. и с ней не может сравниться «Этимология» Исидора Севильского.

Уникальное содержание книги Полидора Вергилия, доступность изложения вызвали интерес многих читателей в XVI и XVII вв. Это находит свое подтверждение и в

¹ Исидор Севильский (ок. 560—636) — архиепископ Севильи, автор «Этимологии», своеобразной энциклопедии раннего средневековья.

² Варфоломей Англичанин (Варфоломей Глэнвилльский) ок. 1260 г. составил сочинение «De proprietatibus» в 19 книгах (напечатано в Страсбурге в 1488 г. и в Нью-Йорке в 1492 г.) — философскую и богословскую энциклопедию.

частых переизданиях, и в систематичности, с которой католическая церковь пыталась ее обезвредить.

Вот какая книга была переведена и появилась перед судом русского читателя в 1720 г. Событие это еще раз подтверждает вывод о том, что в первой четверти XVIII в. переводились и издавались лучшие произведения мировой научно-технической литературы [9, с. 157].

Кратко рассмотрим содержание книги. Она открывается письмом Полидора Вергилия к своему брату Иоанну Матвею Вергилию, написанным 5 декабря 1517 г. Так как этот текст отсутствует в изданиях, начиная со второй трети XVI в., можно предположить, что русский перевод сделан с более раннего издания [10, с. 289]. П. П. Пекарский указывает, что русский перевод сделан с издания 1606 г. [11, с. 486]. В русском издании добавлено предисловие переводчика и опущены все посвящения и жизнеописание Полидора Вергилия. Также в издании имеются «Каталог главам на осьм книг Виргилиевых», восемь книг об изобретателях и «Реестр погрешностям типографским». Собственно фактам истории и науки и техники посвящены три части книги, остальные пять частей содержат в основном сведения по религиозным вопросам. О значении первых трех частей книги скажем словами первого ее русского исследователя М. Л. Михайлова³. «Несмотря на гораздо меньший объем этой первой части сочинения,— писал М. Л. Михайлов,— мы думаем, что именно она-то и обратила на книгу внимание великого просветителя России. Тут находятся все необходимые энциклопедические сведения из области каждой науки» [5, с. 54].

Автор стремился отразить в своей книге и старое, и новое. В значительной мере ее материал основан на учениях античных авторов. На страницах книги мы встречаем имена Аристотеля, Анаксимена из Милета, Варрона, Витрувия, Гераклита Эфесского, Геродота, Демокрита, Диодора, Катона, Колумелы, Митродора, Плиния, Страбона, Фалеса Милетского, Фукидида, Эмпедокла, Эпикура и др. В частности, Полидор Вергилий излагает взгляды материалистов и атеистов древности, представителей атомистических теорий и пр. В то же время говорилось о божественном промысле, о священном писании, античные мифы выдавались за достоверность и т. д.

Первая часть книги включает 24 раздела: о происхождении грамматики, поэзии, драматургии, весов и мер, медицины, арифметики и геометрии, музыки, астрономии и др. В ряде случаев автор стремится связывать те или иные открытия с практическими потребностями людей. Так, возникновение геометрии связывается с необходимостью перемеривания земельных участков вследствие разливов Нила.

Вторая часть книги состоит из 25 разделов. Изобретение календаря, часов (солнечные, водяные, песочные), игры в мяч, шахмат, различных олимпийских игр, огня, стекла, киновари и других красок, папируса, пергамента и бумаги; открытие и обработка металлов: золота, серебра, железа, меди, свинца; возникновение гончарного искусства, живописания; сведение о первом употреблении оружия и медных пушек, изобретении военных машин и др.— вот основные сюжеты этой части.

Чрезвычайно интересны сведения об изобретении книгопечатания в Европе. Они собраны в седьмой главе, названной «Которые первые книги издаша и о первой библиотеке и от кого употребление литер к печати обретеса». Весь текст главы проникнут чувством преклонения перед великими достижениями человеческой культуры: письменностью и особенно книгопечатанием. В результате книгопечатания «всех наук толикое множество

³ Авторство М. Л. Михайлова установлено по библиографии его сочинений, составленной П. В. Быковым (в кн.: *Михайлов М. Л.* Полн. собр. соч. Т. 1, Спб., 1913, с. 353). Цикл статей М. Л. Михайлова «Старые книги» представляет большой интерес для историков.

Изучение книги Полидора Вергилия Урбинского об изобретателях вещей было, видимо, важной вехой в творчестве М. Л. Михайлова. Нам представляется весьма вероятным, что его очерки «За пределами истории (За миллионы лет)», написанные в последние годы жизни писателя, созданы под определенным влиянием сюжетов книги Полидора Вергилия (факт этот не отмечен исследователями творчества М. Л. Михайлова). Справедливо, на наш взгляд, утверждение, что очерки М. Л. Михайлова «являются первой не только в русской, но и в мировой литературе попыткой беллетристического изображения самого начального периода развития человечества» (*Коган Г. Ф. и Косвен М. О.* Примечания к кн.: *Михайлов М. Л.* Соч. Т. 2, М., 1958, с. 559). В очерках писатель рассуждал о происхождении языка, о первых изобретениях, о возникновении семьи, частной собственности, религии и т. д. с позиций материализма и атеизма.

книг у нас появилось... не будет со временем никакой нужды и самому скудному жаловаться на недостаток книг. Сверх сего прибавить должно, что сим способом как греческие, так и латинские писатели от утраты избавлены и сбережены». Поэтому автор считает необходимым прославить изобретателя книгопечатания И. Гутенберга. «Почему,— пишет он,— не должно лишить должной хвалы толь полезной вещи изобретения, особливо дабы потомки знали, кому они за божественное сие благодеение обязаны благодарностью»⁴.

В третьей части книги много материалов по истории техники. Любопытный (или благоразумный, как его называет русский переводчик) читатель найдет здесь сведения по астрономии; изготовлению пищевых продуктов — пива, молочнокислых изделий, вина; о начале архитектуры, о строительном деле, строительных материалах; об изобретении деревообрабатывающих инструментов и средств — пилы, бурава, сверла, долота, циркуля, секиры, гвоздей, клеев и др.; об изготовлении бочек, деревянных сосудов, плетеных изделий; об изобретении прядения и ткачества, одежды и обуви. Отдельный раздел посвящен мореплаванию — «кто первое изобрел науку мореплавания, суды различного рода, весло, парусы, якорь, правление и брань корабельную на море...». Третья часть заканчивается главой «Многая тако древняя, яко и новая изобретена суть ихже изобретатели неизвестны». Здесь автор приносит извинения читателю в том, что сочинение его оказывается неполным, а авторы ряда изобретений остались неизвестными, в том числе изобретатели артиллерийских орудий, мельницы, механических часов с боем и др.

Основное содержание книги Полидора Вергилия дополнялось обращением к русскому читателю, о котором мы уже упоминали. Помимо обвинений в адрес католической церкви это обращение содержит сведения по истории создания книги Полидора Вергилия, а также, что представляет для нас особый интерес, комментирующие и подытоживающие рассуждения. Автор обращения учит русского читателя критически относиться к некоторым местам книги и в то же время лояльно оценивать неприемлемые для себя взгляды и позиции писателя. Особенно интересны те места «Обращения», где его автор говорит о силе разума, о вкладе различных народов в создание и развитие культуры, техники, производства. «Обращение» заканчивается назидательно — образом трудолюбивой пчелы, весьма распространенным в нравственных проповедях того времени: «Убо буди подобен трудолюбивой пчеле не тако благоуханные цветы и дреса, но и мертвые телеса облетающей и от всех дивный пчелник и сладкий мед сочиняющий. И тако здрав и прав будеш и умудришася».

«Осьмь книг о изобретателях вещей» не только давали русским читателям, в частности офицерам, лицам государственной и хозяйственных служб, учащимся и др., систематические знания по истории культуры, науки и техники, но и воспитывали любовь и веру в силу знания, трудолюбие и упорство в достижении поставленной цели, интерес к истории науки и техники.

«Книга Полидора долго находила на Руси усердных читателей», — писал М. Л. Михайлов [5, с. 58]. К сожалению, в нашем распоряжении нет данных о тираже издания. Надо думать, что он был немалым: об этом свидетельствуют некоторые косвенные обстоятельства. Например, в известном указателе Ю. Битовта, изданном в 1905 г., книга Полидора Вергилия не числится в ряду очень редких [14, № 266]. Экземпляр этой книги имел в своей библиотеке А. М. Горький, в 1901 г. он передал ее в Нижегородскую общественную библиотеку [15, с. 21].

19 марта 1782 г. в № 23 газеты «Московские ведомости» было помещено объявление о выходе в свет книги Полидора Вергилия Урбинского «О первых изобретателях всех вещей». В заметке указывалось: «Книга сия содержит в себе самые первые начала изобретенных вещей, встречающихся в свете; причины, для которых они изобретены, имена изобретателей их, и все перемены, случившиеся с изобретателями; то она тем вяще уповательно заслужит благоволение общества, чем предметы, содержащиеся в оной, могут удовлетворять любопытство всякого рода читателей» [16, с. 283]. Перенздал книгу выдающийся русский просветитель Н. И. Новиков в арендованной им типографии Московского университета. Перевел ее И. Н. Тредьяковский, известный своим переводом сочинений К. Линнея [17, с. 101—102].

⁴ Для лучшего восприятия текста он цитируется по второму изданию «Полидора Вергилия Урбинского о первых изобретателях всех вещей». Ч. 1, 2. М., 1782, с. 245.

Во втором издании книга Полидора Вергилия получила новое заглавие, точнее отражающее содержание. Предисловие автора и обращение к русскому читателю, помещенные в первом издании, в издании 1782 г. опущены. Книга вышла двумя частями общим объемом более 800 страниц. Ко второй части приложен алфавитно-предметный указатель «Пространное указание на осьм книг... О изобретателях вещей». Но, пожалуй, наибольшее отличие двух изданий — в языке, претерпевшем за 60 с лишним лет значительные изменения. Эта проблема была исследована в работах М. Л. Михайлова, [5, с. 61, 62] и Н. В. Губерти [17, с. 102—103], которые провели сравнительный анализ фрагментов текстов.

Приведем тексты об изобретении книгопечатания.

Перевод 1720 г.

«...яко Иоан кутенберг, родом тевтоник, муж баронския чести, якоже от его граждан взяхом. Первый всех во граде немецком, который могунцией нарицается, сию печатаемых Литер хитрость выдумал, и во первых тамо оную творити нача. Не меншею острою обретеса от тогоже, (якоже глаголют) автора, новый чернил род, которого ныне писмен печатаницы токмо употребляют» [12, с. 90].

Перевод 1782 г.

«Итак Иоанн Гутенберг уроженец Тевтонский, достоинством кавалера, как граждане его сказывают первый из всех в городе Германском Могунцией, называемом, сие искусство для печатания изобрел, и в первое дело производить печатание начал, по изобретении им же с меньшим тщанием нового рода чернил, которых ныне типографски одни употребляют» [13, часть 1, с. 245].

В настоящее время книга Полидора Вергилия сохранилась в небольшом количестве экземпляров. Издание 1720 г. хранится в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина; в Ленинграде, в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, в библиотеке Академии наук СССР; в библиотеке Ленинградского отделения Института истории АН СССР.

Издание 1782 г. можно найти в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, библиотеке АН СССР, библиотеке Московского государственного университета, Государственной публичной исторической библиотеке РСФСР.

Прямым следствием выхода в свет и общественного функционирования этой книги было появление других изданий историко-научной тематики. Уже в 1790 г. Н. И. Новиков выпустил в Москве небольшую (84 с.) книгу «О достопамятнейших изобретениях художеств и наук». В ней дана хронология изобретений и открытий до 1787 г. включительно.

Интересна книга иеромонаха Новоспасского монастыря Феофана (в миру Федора Колоколова) «Картина древности, или Исторические любопытные примечания». На титульном листе книги указано, что она содержит в себе «... различные относящиеся до наук и художеств сочинения, объясняющие отдаленную глубокую древность и наипаче историю мира, свойства стран и народов, их языки, их сходства и несходства, их взаимное между собой обращение, их торговлю и промыслы, состояния в хлебе, в вине, в садах, в рыбных ловлях, соляных варницах и пр. и пр.». Книга вышла в трех частях общим объемом в 420 с. в Калуге в 1793—1794 гг.

Первая в России книга по истории науки и техники не только приобщила читателей к историко-культурным знаниям, но и способствовала возникновению историко-научной и историко-технической литературы в России.

Литература

1. Филарет (Гумилевский). Обзор русской духовной литературы. Т. 1, 2. Спб., 1884.
2. Воскресенский Н. А. Законодательные акты Петра I. М.—Л., 1945.
3. Бахтияров А. А. История книги на Руси. Спб, 1890.
4. Данилевский В. В. Русская техническая литература первой четверти XVIII века. М.—Л., 1954.
5. Михайлов М. Л. Старые книги. Путешествие по старой русской библиотеке.— Библиотека для чтения, 1854, февр. Литерат. летопись.
6. Зубов В. П. Историко-географическая естественных наук в России (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1956.

7. *Вайнштейн О. Л.* Западноевропейская средневековая историография. М.—Л., 1964.
8. *Нау D. Polidor Vergil.* Oxford, 1952.
9. *Татищев В. Н.* Разговор о пользе наук и училищ (Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Кн. 1). М., 1887.
10. *Быкова Т. А., Гуревич М. М.* Описание изданий гражданской печати. 1708 — янв. 1725. М.—Л., 1955.
11. *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Ч. 2, Спб., 1862.
12. *Вергилий Полидор.* Осемь книг о изобретателях вещей. М., 1720.
13. *Вергилий Полидор.* О изобретателях всех вещей. М., 1782.
14. *Битовт Ю.* Редкие русские книги и летучие издания XVIII века. М., 1905.
15. *Балика Д. А.* Личная библиотека А. М. Горького нижегородских лет.— Труды Горьковской обл. библиотеки им. В. И. Ленина. Вып. 1, 1948.
16. Московские ведомости, 1782, № 23.
17. *Губерти Н. В.* Материалы для русской библиографии. Вып. 2. М., 1881.

ПЕРЕД ВЫХОДОМ «ПРОИСХОЖДЕНИЯ ВИДОВ»

Ю. В. ЧАЙКОВСКИЙ

I

Рождение дарвинизма принято относить к 24 ноября 1859 г.— дате выхода в свет «Происхождения видов». Тот факт, что заметки Ч. Дарвина и А. Уоллеса, содержавшие первые эскизы их эволюционного учения, были зачитаны в июле и напечатаны в августе 1858 г. [1, с. 238—252], обычно не привлекает внимания исследователей. Сам Дарвин писал об этом так: «Наши изданные совместно работы привлекли очень мало внимания, и единственная заметка о них в печати, которую я могу припомнить, принадлежала профессору Хоутону из Дублина, приговор которого сводился к тому, что все новое в них неверно, а все верное — не ново» [2, с. 230]. В действительности же эти заметки вызвали оживленную дискуссию: С. Л. Соболев описал пять прямых откликов на них и два косвенных, т. е. не содержащих упоминаний о Дарвине и Уоллесе¹. В настоящее время мы можем указать еще три прямых отзыва, и анализ всех восьми составляет предмет настоящей статьи. Кроме того, мы рассмотрим еще и первую рецензию на «Происхождение видов», примыкающую ко всей предыдущей дискуссии.

Особый интерес этих первых откликов не только для истории науки, но и для современной методологии определяется тем, что поскольку заметки Дарвина и Уоллеса по необходимости носили декларативный характер, то мы имеем здесь редкую возможность наблюдать восприятие новой идеи как таковой, в отрыве от ее фактической аргументации. Согласие или несогласие с идеей выступает здесь в чистом виде, не замаскированное ссылками на конкретные аргументы, в силу чего обнажается мировоззренческая база оппонентов и феномен «ароморфоза в развитии науки»² может быть изучен проще и нагляднее, чем в других случаях, когда идея подавалась сразу в форме обоснованной теории. Именно здесь мы можем увидеть, какие из мыслей Дарвина уже «носились в воздухе», а какие оказались для тогдашней науки неожиданностью.

2

Первым публичным обсуждением дарвинизма явилась президентская речь Ричарда Оуэна на съезде Британской ассоциации содействия развитию науки 22 сентября 1858 г., из которой видно, что статьи Дарвина и Уоллеса имели принципиальное значение: они разрушали стену молчания вокруг проблемы эволюции. Действительно, впервые говоря об эволюции, Оуэн не только свободно употреблял термины вроде «трансмутации» как заведомо известные аудитории, но и прямо связал идею эволюции с происхождением

¹ В его статье [3] были рассмотрены отклики Р. Оуэна, С. Хоутона, Г. Тристрама, Ч. Лайеля и Дж. Гукера, а также дискуссия в США (содержащая выступления Аза Грея) и речь Т. Гексли, в которых Дарвин и Уоллес прямо не упоминались.

² Это понятие означает переход исследования на новый познавательный уровень [4].